

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

Нижегородское областное отделение
Общероссийской общественной организации
«Российское общество историков-архивистов»

История книги и цензуры в России. Пятые Блюмовские чтения

Материалы V Международной научной конференции,
посвященной памяти А. В. Блюма.
21 мая 2018 года, г. Санкт-Петербург

под науч. ред. д-р ист. наук М. В. Зеленова

Санкт-Петербург
«Культурно-просветительское товарищество»
2019

УДК [002+351.751.5](09)

ББК 76.103+76.103-7

И 90

И 90 История книги и цензуры в России. Пятые Блюмовские чтения: Материалы V Международной научной конференции, посвященной памяти А. В. Блюма. 21 мая 2018 года / под науч. ред. М. В. Зеленова; [редкол.: М. В. Зеленов, П. В. Батулин (сост.), С. В. Степанов]. – Санкт-Петербург : Культурно-просветительское товарищество, 2019. – 314 с.

Материалы конференции касаются важных вопросов теории и истории цензуры и некоторых вопросов истории книги. Продолжены традиции изучения истории и историографии органов и учреждений цензуры, как дореволюционной России, так и СССР, как центральных, так и местных, исследования биографий цензоров, разных объектов цензурного воздействия (печатная продукция, кино и зрелища, музейные экспозиции и др.), а также особых методов цензуры и отдельных цензурных казусов. Представлены работы специалистов разных отраслей знания – историков, библиографов, книговедов, филологов и социологов из России, Украины, Беларуси, Италии и Швейцарии. В одной из работ имеется библиография российских краеведческих справочных изданий с 1917 по 1991 гг. (198 наименований).

Редколлегия:

д-р ист. наук М. В. Зеленов

П. В. Батулин (сост.)

канд. фил. наук С. В. Степанов

ISBN 978-5-906698-86-12

© М. В. Зеленов, идея, науч. ред., 2019

© П. В. Батулин, сост., 2019

© «Культурно-просветительское товарищество», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Теоретические проблемы	6
<i>Равинский Д. К.</i> Сожжение книг и другие формы гражданской цензуры: чему учит опыт демократических стран	6
<i>Сонина Е. С.</i> О работе над третьим выпуском книги П. С. Рейфмана «Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России».....	12
История книги и цензуры в дореволюционной России	15
<i>Корнева Н. М.</i> Петр Александрович Корсаков 17(28).08. 1790 [ок. 1787] – 11(23).04.1844.....	15
<i>Патрушева Н. Г.</i> Неосуществленные проекты штатов цензурного ведомства Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века)	25
<i>Гринченко Н. А.</i> Издание учебников французского языка под контролем Комитета рассмотрения учебных руководств (1850–1856 гг.).....	32
<i>Чирскова И. М.</i> Цензура драматических сочинений в России в 60-е – 70-е гг. XIX в.....	43
<i>Барыкина И.Е.</i> История цензурной реформы в 1865 г. в работах В. Г. Чернухи	54
<i>Гусман Л. Ю.</i> Русский либеральный конституционализм и его отражение в легальной печати (1860-е – начало 1880-х гг.)	61
<i>Степанов С. В.</i> Типология региональной издательской продукции во второй половине XIX – начале XX века	77
<i>Калякина А. В.</i> Регионоведческая литература в структуре усадебной библиотеки начала XX века.....	82
<i>Богомолов И. К.</i> Военная цензура печати в Москве в годы Первой мировой войны	94
История книги и цензуры в СССР и России с 1917 г.	99
<i>Гриби И.</i> Цензура открыток советского периода	99
<i>Батулин П. В.</i> Главный комиссар военной цензуры И. С.Плотников: предпринимательство в государственном строительстве и альтернативы жизненных планов.....	115
<i>Махотина Н. В.</i> Предпосылки к возникновению библиотечных спецхранов и их развитие	136
<i>Стефаненко А. Ю.</i> И. И. Ионов и вопрос об автономии Петрогосиздата/Лениздата (1918–1926)	144

<i>Де Флорио, Джулия.</i> «Писать вполголоса». Цензура в детской литературе (1917–1934).....	160
<i>Куликова А. В.</i> Проблемы формирования российских краеведческих справочных изданий в условиях советской цензуры (1917-1991 гг.)	173
<i>Бабюх В. А.</i> Кинематограф под цензурой: к вопросу о контроле над киноискусством в УССР 1918-1930 г.г.....	226
<i>Рудницкая Н. Н.</i> Советская политическая цензура и перевод художественной литературы: манипулирование идеологемами	231
<i>Смирнова Т. М.</i> «Зрелищный контроль» в Ленинграде (1920-е – 1930-е гг.).....	242
<i>Капчинский О. И.</i> О попытке экранизации произведения Б. В. Савинкова «Конь Вороной»	253
<i>Гужаловский А. А.</i> Цензурный контроль в музеях Советской Белоруссии	259
<i>Богомолов А. И.</i> Воспоминания о революции: до и после исправления (к истории подготовки к печати воспоминаний С.А.Смирнова в 1960-е-1970-е гг.)	271
<i>Савенко Е. Н.</i> Тамиздат: тайные пути сибирских неподцензурных текстов	283
<i>Дианов С. А.</i> «Мелочам придавали серьезный вид...»: Пермский обллит накануне и в период перестройки (1981-1991 гг.).....	288
<i>Труфанов А. Ю.</i> Проблемы использования данных социологических исследований органами государственной власти.	298
<i>«История книги и цензуры в России. Пятое Блюмовские чтения»:</i> Программа Международной научной конференции, посвященной памяти А. В.Блюма. 21 мая 2018 года. Санкт-Петербург	302
Об авторах	311

ПРЕДИСЛОВИЕ

После трехлетнего перерыва вновь состоялась конференция «История книги и цензуры в России. Пятые Блюмовские чтения». Она прошла по новому адресу – в Доме Н.П. Лихачева (Санкт-Петербургский институт истории РАН) и, как и ранее, объединила специалистов разных отраслей науки: историков, библиографов, книговедов, филологов и социологов, – из нескольких стран, входивших ранее в Российскую империю и СССР (из России, Украины и Беларуси), а также Италии и Швейцарии.

Не все авторы, подавшие заявки на участие в конференции, выступили с докладами, также и не все прозвучавшие доклады были оформлены как статьи для настоящего сборника (часть материалов была опубликована авторами в других изданиях).

По установившейся традиции темами статей сборника стали разнообразные аспекты истории отечественной цензуры в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. В теоретическом разделе – статья Д.К. Равинского о демонстративном уничтожении книг гражданскими активистами демократических стран в качестве протеста против их содержания. История и историография органов и учреждений цензуры исследуются в статьях Н.Г. Патрушевой, И.Е. Барыкиной, И.К. Богомолова, Н.В. Махотиной, С.А. Дианова, биографии отдельных деятелей цензуры – в статьях Н.М. Корневой и П.В. Батулина, и об особом методе цензуры (через перевод иностранной литературы) – статья Н.Н. Рудницкой. О разных объектах цензурного воздействия – статьи Н.А. Гринченко, И.М. Чирсковой, А.В. Куликовой, В.А. Бабюха. Особенно необходимо обратить внимание на новые для российской историографии темы и объекты изучения: цензуру открыток (статья И. Гриби) и цензуру детской литературы (Д. де Флорио), цензуру музейных экспозиций (А.А. Гужаловский), цензуру социологических данных (А.Ю. Труфанов). Об отдельных цензурных казусах – статьи О.И. Капчинского и А.И. Богомолова. О границах цензуры и способах борьбы с ней – статьи Л.Ю. Гусмана и Е.Н. Савенко. Также в сборнике, как и ранее – статьи по истории книги: А.Ю. Стефаненко об управлении книгоиздательством, и А.В. Калякиной об усадебной библиотеке.

Материалы конференции представляют интерес, как для специалистов разных профессий, так и для самого широкого круга читателей.

М. В. Зеленов, П. В. Батулин

Де Флорио, Джулия

«Писать вполголоса». Цензура в детской литературе (1917–1934)

Аннотация: Статья посвящена цензуре детской литературы: вовлеченным в нее ведомствам и идеологическим установкам в ее отношении. Сделан вывод о решающем значении периода 1923–24 гг. в ее формировании.

Ключевые слова: детская литература, цензура, государственный и партийный аппарат, С.Я.Маршак, К.И.Чуковский, журналы «Чиж» и «Ёж»

De Florio J.

“Write in a Whisper.” The Censorship of Children’s Literature (1917–1934)

Abstract: This article is devoted to the censorship of children’s literature: the departments involved in it and ideology that guided it. It draws conclusions about the decisive period of 1923–1924 for this dimension of state censorship.

Keywords: children’s literature, censorship, state and party apparatus, S.Ya. Marshak, K.I.Chukovskiy, magazines “Chizh” and “Yozh”

Предисловие

С рождением Советского Союза в измененных социальных, политических, экономических и культурных условиях, литература, адресованная детскому читателю, приобретает парадоксальную амбивалентность и становится впечатляюще разнообразной.

Утвердившись, советская власть поставила литературу для детей и юношества в центр политических и идеологических интересов Партии и государства, сделав её опорой образовательных проектов социализма, процесса «перековки» нового человека и формирования нового читателя¹. С другой стороны, детская литература оказывается либо целью и сознательным выбором многих талантливых авторов, опасавшихся цензуры, либо своего рода убежищем для тех, чьё «взрослое» творчество не вписывалось в издательские рамки: Д. Хармс, В. Введенский, О. Мандельштам и многие другие².

В 1929 году Л.Я. Гинзбург, говоря о литераторах, не нашедших своего места в новой эпохе, пишет: «Исторические романы и детские

¹ Добренко Е. Формовка советского читателя. Академический проект, СПб. 199.

² Кукулин И., Майофис М. Семиотика детства. Вступительная заметка // Новое литературное обозрение, 2002: № 58, С.1–8; Кукулин И., Майофис М. Детское чтение советской эпохи: несоветский взгляд // Новое литературное обозрение, 2003: № 60, С.214–217.

книги – для многих сейчас способ писать вполголоса. Самоограничение этих жанров успокаивает совесть писателя, не договорившего своё отношение к миру»³.

Систематическое изучение истории цензуры детской литературы могло бы пролить свет на механизмы, действующие в данной литературной сфере в течение нескольких десятилетий, с Октябрьской революции до начала Второй Мировой войны. Данная статья посвящена начальному исследованию и описанию процесса жесткого контроля детских книг, написанных и опубликованных в вышеупомянутый период.

Цензура детской литературы: органы и структуры

После Революции детская литература оказалась в прямом ведомстве многочисленных органов управления: Главполитпросвет, которым руководила Надежда Константиновна Крупская (1920–1930), ГУС (Государственный ученый совет при Наркомпросе) (1919–1933), Главсоцвос (Главное управление социального воспитания и политехнического образования) (1921–1932), а также Главлит и Политический отдел, наделённые особыми полномочиями в данной сфере.

Не последнюю роль играет разветвлённая сеть педагогических и учительских комиссий, школьных советов, родительских собраний и библиотечных комитетов, представляющих собой сложную систему, способную оказывать влияние и определять общие тенденции. Например, глобальная клеветническая кампания против К.И. Чуковского была подготовлена и активно поддержана учительско–родительским сообществом. Хотя подобные обвинения и не имели реального политического веса, они во много способствовали очернению имени автора и созданию негативной репутации его произведений.

Главполитпросвет был создан 12 ноября 1920 года и являлся неотъемлемой частью Комиссариата народного образования. Главной задачей Главполитпросвета являлось распространение и поддержка коммунистических идей в обществе посредством взаимодействия с библиотеками, клубами, литературными кружками и партийными университетами⁴.

В ведомстве Главполитпросвета находилось управление (и чистка) архивных фондов и библиотек; Надежда Крупская становилась заведу-

³ Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Воспоминания, эссе. Искусство, СПб., 2011, С.79.

⁴ <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/law/snk/1917/?id=2835>.

ющей Государственными библиотечными каталогами, которые с интервалом в 3 года подверглись трём чисткам (1923, 1926, 1929/1930).

В 1923 поступила *инструкция* Главполитпросвета (декабрь, 1923) «О пересмотре книжного состава библиотек из руководящего каталога по изъятию всех видов литературы из библиотек, читален и книжного рынка», в дальнейшем опубликованная в журнале «Красный библиотекарь». В данной инструкции отдельным пунктом выделяется детская литература: «По отделу беллетристики и детскому должны быть изъяты книги, которые своим общим содержанием и основным тоном возбуждают, укрепляют и развивают низменные, животные и антисоциальные чувства (как, напр., злоба и жестокость, половое извращение и чувство в порнографических книгах), суеверия, национализм и милитаризм (в многих исторических романах и пр.). Особенно важно очистить от книг с дурным эмоциональным и идейным содержанием детские отделы библиотек, из которых необходимо изъять не только книги с вышеуказанным уклоном, но также и книги, не удовлетворяющие современным педагогическим требованиям»⁵. Практика подобных чисток продолжается и в 30-е годы⁶. Стоит заметить, что в ходе третьей чистки фигурирует список из 118 детских писателей, подвергнутых конфискации⁷.

Положение, на основании которого был создан ГУС, определяло его главные функции: речь шла об органе, «осуществляющем общее и методическое руководство научным и художественным образованием и специальным воспитанием»⁸. ГУС действовал ещё до создания Главлита (в 1922 году), подвергая тщательному отсеву все рукописи для детей, ожидавшие публикации; только после получения соответствующего предварительного одобрения рукописи поступали в органы цензуры, о чем информирует вестник Совета народных комиссаров, опираясь на постановление от 20 июня 1927: «Детская (художественная и научно-популярная) книга будет Гублитами приниматься в просмотр только при наличии у издательства разрешения Гос. Ученого Совета, куда предва-

5 *Ингулов С.Б.* Инструкция по пересмотру книжного состава библиотек // Красный библиотекарь, 1924: №1, С.135–141.

6 *Zelenov M.V.* The Library Purges of 1932–1937 in Soviet Russia // Solanus, 2000: №14, P.42–57.

7 *Вульф Б.Д.* Крупская чистит библиотеки // Новый журнал, 1970: № 99, С.237–246.

8 *Блюм А.В.* За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры 1917–1929. СПб. : Академический проект, 1994, С.244.

рительно и должны представляться материалы, предназначенные к печати самими издателями. К разряду детской следует относить литературу, обслуживающую детей в возрасте до 16 лет включительно»⁹.

Деятельность Главсоцвос являлась в свою очередь второй ступенью, после публикации книги или учебного пособия; главной задачей органа было рекомендовать или запретить использование опубликованных книг в школах.

Проблемы иерархии и межинститутских отношений очень скоро возникли, особенно в соперничестве между ГУС и Главсоцвос: «С одной стороны, ГУС все же был главнее Главсоцвоса, поскольку, согласно особому постановлению Совнаркома, именно он должен был давать разрешение на издание той или иной детской книги»¹⁰. Нередко Главсоцвос выражал несогласие с данной якобы существующей иерархической лестницей, в следствие чего часто происходили конфликты между двумя органами.

Главлит также пристально и предвзято следил за детской литературой, о чем указано в инструкции 1924 года: «г) из детской и юношеской литературы разрешать к изданию лишь литературу, способствующую коммунистическому воспитанию»¹¹. Данное положение было отражено еще в одной инструкции, разработанной на секретном совещании начальников областных и местных отделов Главлита¹².

Решения, принимаемые за закрытыми дверями, превосходно согласуются с политической линией Главполитпросвета и публично озвучиваются Крупской. В газетах появляется своеобразный слоган того времени «Детская книга – мощнейшее оружие коммунистического воспитания»¹³.

9 Там же. С.244-245.

10 Там же, С.113.

11 *Блюм А.В.* От неолита до Главлита. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2009. С.97.

12 Архив РАН Ф. 597, Оп. 3, Д. 17, Л. 32.

13 Неслучайно «Забывтое оружие» было также названием статьи редактора «Красных зорей» Льва Кормчего (псевдонима Л.Ю. Пирагс), напечатанной в «Правде» 17 февраля 1918. Там Кормчий утверждает, что детская литература «это литература, базирующаяся не на художественном своеобразии, а на ее воспитательной функции, на возможности влиять на формирование взглядов и представлений юных читателей. Новая детская литература описывается в чисто идеологических – ‘военных’ – категориях». См.: «Убить Чарскую...». Парадоксы советской литературы для детей, 1920-е – 1930-е гг. / *Балина М., Вьюгин В. (сост.)*. СПб.: Алетейя, 2014. С. 9.

В мае 1923 года Политбюро уточняет директивы, озвученные Главлитом в учредительном акте (постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О мерах воздействия на книжный рынок»), добавляя новые рекомендации. Главлит получает удвоенной силы компетенцию в отношении частных издательских домов, а именно – выдавать разрешение на публикацию полезных трудов, не представляющих угрозы Государству. Таким образом Главлит должен «адаптировать частных издателей к государственным нуждам»¹⁴.

Что касается детской литературы, то разрешены те произведения, которые вносят вклад в коммунистическое образование, а жанру «бульварщина» и произведениям легкого жанра, как например, приключения Нэта Пинкертона¹⁵, объявлена война. О данной проблеме докладывает и критик Нелидова: «Жажда сильных и острых впечатлений от ультраприключенческой литературы до такой степени портит и притупляет литературный вкус, что и образы литературы, переходной от приключенческой к реалистической, такой, например, как серия ‘Герои и жертвы труда’, мало производит впечатление»¹⁶.

С самого начала педагогическая функция и перспектива использования в классе становятся главными параметрами оценки книг для детей; Крупская время от времени принимает участие в роли цензора со стороны ГУС, выражая личную неприязнь идеологий, отличных от ленинского коммунизма, как в случае со сказками Д. Н. Мамина–Сибиряка¹⁷. Зачастую судьба произведения зависит от личной инициативы политредактора, который работая в тесном контакте с издательскими домами и их продукцией, может напрямую вмешаться, с разрешения Главлита, как происходит со сказкой Ершова *Конёк –Горбунок*¹⁸.

14 *Kassof B.* Glavlit, Ideological Censorship, and Russian Language Book Publishing, 1922–38 // *The Russian Review*, 2015: №74, P.69–96.

15 Учитывая огромный успех «импортированного» героя среди молодёжи, власть пытается его вписать в новый социологический контекст, придумывая «красного Нэта Пинкертона», который на самом деле не пользуется такой же популярностью [Clark 1998].

16 *Нелидова Е.* К вопросу о комплектовании детской библиотеки (В связи с изъятием вредной и устаревшей литературы) // *Красный библиотекарь*, 1924: №8, С.57.

17 ЦГА СПб Ф. 298, Оп. 1, Д. 90, Л. 50.

18 *Блюм А.В.* Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб.: Академический проект, 2000. С.220.

12 июля 1923 года, спустя два месяца после заседания ЦК Политбюро, выходит специальный и секретный вестник о запрете входа в СССР различных произведений, особо строго запрещалась детская литература «содержащая элементы буржуазной морали с восхвалением старых бытовых условий»¹⁹. Несмотря на неразглашение подобных директив в официальной прессе, уместно полагать, что те, кто работает в соответствующей сфере получил четкие указания и знал, какой общей политической линии придерживаться.

Кроме того, детская литература находилась под пристальным вниманием Партийных органов; в октябре 1926 года коллегия Отдела печати обкома напрямую потребовала, чтобы издательские дома Ленинграда, выпускающие детские книги, информировали о выходе печатных произведений. Так, рассказ А. П. Чапыгина подвергся критике за образное сравнение темной ночи с шелковым платьем матери главного персонажа, что признавалось выражением буржуазного чувства, и не должно было использоваться в адрес детей рабочих и крестьян. Второе замечание было адресовано С. Я. Маршаку, обвиненному в выпаде в сторону государственной железной дороги в стихотворении *Багаж*, в котором потерявшийся среди багажа щенок успел подрасти за то время, пока полицейские и хозяйка его искали. Цензура усмотрела явную аллюзию на подразумеваемую медлительность советской железнодорожной системы. Суровая критика адресована в адрес издательского дома Прибой за публикацию *Приключений короля Матиуша*, где автор слишком много распространяется о корошем короле.

Целью угроз и запретов становится вся детская литература великих иностранных классиков, которая была так любима в России вплоть до предыдущего столетия: Жюль Верн, Луи Стивенсон, Марк Твен и многие другие. В 1927 году издательство Земля и фабрика получает обвинение: «Неизвестно для чего выкапывает из тьмы прошедших времен роман буржуазного писателя Стивенсона *Остров сокровищ*, который абсолютно ничего не может сказать ни уму, ни сердцу молодым представителям современного поколения. Издана книга хорошо, но еще лучше было бы не издавать ее вовсе»²⁰.

Во второй половине 20–х годов 20 века детская литература находится в центре постоянных дебатов и споров; постановление Центрального

19 *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М. : Аспект Пресс, 2001. С.270.

20 *Блюм А.В.* За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры 1917–1929. СПб. : Академический проект, 1994 С.256–257.

Комитета от 23 июля 1928 «О мероприятиях по улучшению юношеской и детской печати» констатирует недовольство качеством и количеством произведений, посвященных социальным темам, завышенной стоимостью книг, ориентацией на более зажиточные слои населения, чрезмерное использование фальшивой пропаганды.

Новое десятилетие открывается на страницах «Комсомольской правды» следующей заметкой: «Открыто реакционные тенденции и аполитичное зубоскальство прочно гнездятся в детской литературе, ослабляя фронт коммунистического воспитания детей. Чуждые задачам детской печати приспособленцы, искажая новую, социальную тематику детской книги и подкрашивая свои старые художественные формы и розовые тона, создают псевдосоветскую детскую книгу. Фронт детской литературы требует решительного укрепления и классово четкого руководства [...] Развертывая критику прорывов в детской печати, перейдем к борьбе за создание новой пролетарской литературы, добываясь прежде всего социально значимой детской книги, не снижая требований к ее художественной форме. Участием широкой рабочей общественности обеспечим выполнение мероприятий, указанных ЦК ВКП(б) в 1928 г. и выработку предложений к всесоюзному партийному совещанию по вопросам детской литературы»²¹.

Начиная с подобных замечаний и на протяжении двух десятилетий в различных журналах и газетах разворачиваются оживленные дебаты и дискуссии,²² задачи которых предельно ясны: «Борьба за четкость классовой линии детской печати, борьба с реакционными и формалистскими тенденциями как главной опасностью, создание доподлинно массовой детской пролетарской литературы, обеспечение ее новыми кадрами и создание единой системы руководства являются задачами решающими»²³.

21 *Разин И.* Про серого зайчика и пятилетку. Против аполитичности в детской литературе // Комсомольская Правда, 25.01.1930С.3

22 *Мексин Я.* Путь гизовской детской книги // Книга детям, 1929: №2–3, С.2–12; *Тарасенков А.* Да здравствует сказка! // Детская и юношеская литература, 1933: №9; *Кальмеер Д.* Пути детской литературы. На докладе А.В. Луначарского // Литературная газета, №34, 09.12.29, С.1; *Болотин С., Смирнова В.* Детская книга в реконструктивный период // Литературная газета, 16.12.1929, С.1; *Кальм Д.* Против халтуры в детской литературе. Куда нос его ведет? // Литературная газета, № 35, 16.12.1929, С.2; его же. За действительно советскую детскую книгу! // Литературная газета, №37, 30.12.1929, С.2; его же. Факты и автографы // Литературная газета, №37, 30.12.1929, С.2

23 *Яковлев В.* На новые рельсы // Комсомольская Правда, 25.01.1930, С.3

Начальник Главлита Лебедев–Полянский, прежде чем оставить пост в 1931²⁴ предупреждает: «Наша детская литература хуже, чем какая–нибудь другая способствует политическому воспитанию. Тут мы, конечно, должны быть особенно жестоки, несмотря на то, что детской книги у нас мало»²⁵.

Ставки настолько высоки, а цензоры так обучены подозревать всех и вся, что даже Маяковский, чья верность марксистско–коммунистическим идеалам беспрекословна, не избежал атаки критиков: сборник детских стихов для детей, *Маяковский – детям*, посмертно опубликованный в 1931, повсеместно критикуется, и даже когда Сталин объявляет автора «лучшим и самым талантливым поэтом нашей советской эпохи», Главполитпросвет приказывает уничтожить «всё, написанное Маяковским для детей – как непонятное, идеологически неприемлемое и возбуждающее педагогические отрицательные эмоции»²⁶.

Не только книги подвержены атакам со стороны различных органов цензуры; на протяжении 20–30–х годов журналы «Ёж» и «Чиж» также критиковали и ограничивали. На страницах «Октября» критик Шатилов выражает удивление, что подобная «литературная дешёвка, детская отравка, уснащённая бульварными лозунгами»²⁷ публикуется с разрешения Центрального Бюро молодых пионеров, Главсоцвоса и Обкома Ленинграда. Речь идет о новом детском журнале «Ёж» (1928–1935), адресованном подросткам–пионерам (9 и 14 лет), который с самого первого номера вызывает множество подозрений²⁸. Такого же мнения придерживается В. М. Волин, который замечает: «Обращаем внимание на журнал ‘Еж’: недостаточно тщательное редактирование, натуралистические сценки и т.д. Политконтролю необходимо добиться через редакцию очищения журнала от указанных дефектов, особенно недопустимых в детской литературе. Начальник Главлита Волин»²⁹.

Подобным образом приложение «Чиж» (1930–1941), журнал–близнец, созданный двумя годами позже и адресованный «октябрятам» (7–9

24 <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/personalia/leader/polian/>

25 Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры 1917–1929. СПб: Академический проект, 1994. С.212

26 Там же. С.213

27 Шатилов Б. Ёж // Октябрь, 1929: №12, С.189

28 Двинский Е. Как ‘Еж’ обучает детей хулиганству // Комсомольская Правда, 24.04.1928, С.3

29 Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб: Академический проект, 2000 С.214

лет), по различным причинам получил негативную оценку, начиная с редакционного совета: оба журнала, с редакцией, расположенной в «доме, увенчанном глобусом» – Дом книги на Невском проспекте – в помещении по соседству с Ленинградским Детиздатом, – являлись продуктом активного сотрудничества Н. Олейникова, Н. Заболоцкого³⁰, Д. Хармса, Н. Введенского, Б. Житкова, Е. Шварца, А. Пантелеева, В. Бианки, О. Бергольц и многих других, а именно самых интересных постреволюционных писателей детской литературы, которые образовали ядро, «золотой фонд», данного литературного направления, но заклеянных Шатиловым как «ловкие контрабандисты, эзопы наших дней – под “хорошей” формой протаскивают гнилое содержание»³¹.

Оба журнала находились под прицелом критики из-за недостатка социальных тем, вместо которых они развлекались и печатали различные ребусы³². От слов очень быстро перешли и к действию: в декабре 1931 Хармса, Введенского и Бахтерева арестовали. Хармса и Введенского сначала приговорили к трем годам лагеря, но затем приговор изменили на ссылку. Хармс вернулся в Ленинград в 1932 году, Введенский в 1933. За 1932 году «Ёж» выпустил всего 12 номеров вместо запланированных 24 (в 1933 году журнал выходил раз в месяц, вместо одного раза в две недели), а в 1935 году журнал окончательно закрыли. В истории цензуры 1935 год являлся особенным, так как прежде всего вышло *постановление* ЦК (31 мая 1935) «О детской литературе и кинофильмах», в котором среди прочих распоряжений предписывалось «усилить наблюдение за детской литературой и кинофильмами, не допуская литературы и фильм, могущих иметь вредное влияние на детей (приключения уголовных преступников и т.п.)»³³. Наконец, готовился материал для того, чтобы положить конец редакции Лениздата и так называемой «вредительской группе Маршака»³⁴.

30 Несколько месяцев Олейников и Заболоцкий являются также главными редакторами «Чижа».

31 Шатилов Б. Ёж // Октябрь, 1929: №12, С.185.

32 Разин И. Про серого зайчика и пятилетку. Против аполитичности в детской литературе // Комсомольская Правда, 25.01.1930, С.3.

33 Фогелевич Л.Г. Основные директивы и законодательство о печати. Систематический сборник. 5-е изд. М. : ГИЗ, 1935С.118-119.

34 В 90-х годы вышли в свет два важных документа, подписанных политредактором Детиздата в Ленинграде Дмитрием Чевычеловым. 9 октября 1935 и 2 ноября 1937 он пишет два «отчета» о состоянии и деятельности редакции: в первом из них он говорит, что «в издательстве сложилось ненормальное по-

Новый материал

Секретный бюллетень Главлита, хранящийся в Государственных Архивах России, описывает ситуацию, сложившуюся в 1924 году, подтверждая условия пристальной слежки за литературой и искусством в целом. В течение года были конфискованы 118 книг для детей (20 сборников сказок и 98 повестей и рассказов), а также 6 журналов для детей.

Это период борьбы с частными издательствами, число которых значительно выросло с начала НЭПа, и которые всегда были как кость в горле правительства, не только из-за публикуемых каталогов, зачастую не соответствующих требованиям эпохи, но и за их внешнее качество, объективно превосходное на фоне сдержанных цен: «Частные издательства выпускали в это время 30% всей беллетристики, вытесняли на рынке советскую детскую книгу, так как их детская литература была более дешевой и более привлекательной по оформлению»³⁵. Один из примеров – продукция издательства Радуга, имеющая такое высокое качество, что в 1929 году ленинградские цензоры признали: «Радуга – детские издает лучше ГИЗа, который не может конкурировать с ним»³⁶ и еще: «Роскошное, как всегда у Радуги, издание»³⁷.

Книги делятся на три категории – высшая, средняя, низшая – сопровождаемые оценкой; с оценкой тесно связан тираж, согласованный в случае каждого конкретного произведения. Так, например, в отношении книги Чуковского *Тараканище* (Радуга 1923) говорится: «Книга написана бойко, хорошим языком, и может вызывать хорошие эмоции. Тенденция ее тоже не плохая. Но, если еще можно мириться с гипертрофированной типизацией животных, не боясь, что все это будет понято ребенком всерьез, то заключительных штрих – приколачиваемая к небу гвоздями луна – уже вызывает опасение. Правильные космографиче-

ложение» и даёт краткую характеристику каждого сотрудника: троцкист Васильева, «наш скрытый враг Чуковская» и т.д., запуская таким образом процесс разгрома редакции. Во втором же документе, написанном после ареста многочисленных сотрудников, цензор подтверждает ликвидацию большинства членов «группы Маршака». *Блюм А.В.* Как громили “вредительскую группу” Маршака: доносы цензора Чевычелова // Мир образования, 1996: №1, С.72; *Блюм А.В.* Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы. М. : РОССПЭН, 2004; *Чуковская Л.К.* В лаборатории редактора. М. : Время, 2011, С. 188–392.

³⁵ *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М. : Аспект Пресс, 2001. С.267–268.

³⁶ ЦГАЛИ СПб Ф. 281, Оп. 2, Д. 26, Л. 22.

³⁷ ГАРФ Ф. 5446, Оп. 55, Д. 535, Л. 101.

ские представления и без того даются ребенку трудно, и утверждать здесь, пусть даже ‘в шутку’, понятия аллегорические, образные или просто ‘не соответствующие действительности’, едва ли целесообразно. Любопытно, что и, помимо луны, весь окружающий ребенка, или представленный, мир здесь преподносится ему в нарочито извращенном виде [...] I x 5.000 = 5.000»³⁸.

Подобным образом были написаны рецензии на *Пожар, Загадки, Детки в клетке* Самуила Маршака, последняя выходит смешным тиражом в 3.000 экземпляров, в сопровождении следующей характеристики: «Книжка о зверях, но никакого реального представления о характерах их не дает. Страница о ‘королевском пингвине’ открывает перспективы в сторону придворного быта. I x 3.000 = 3.000»³⁹.

К третьей, самой низкой категории, принадлежит *Дом, который построил Джек*, перевод с английского *This is the house that Jack built* (1755), один из многочисленных сборников английских детских стихов (*nursery rhymes*), которые Маршак переводит в те годы: «Глупо-бессодержательные сказочки в песенке. Порою – просто недоуменно-тупые, в стиле неких классических ‘загадок’, в которые те или иные данные вводятся лишь для того, ‘чтоб ты не угадал’. Это в общем. В частности же: в первой сказке на стр. 22, как раз трудовой элемент представлен в нарочито-шаржированном виде. На стр. 9 высмеиваются физические недостатки или болезнь человека: ‘кривоногий’ – тут же корректура – ‘паралитик’. На стр. 14 – ветры изображены в виде херувимов. В ряде рисунков – мещанский быт. Сказка ‘Шалтай–болтай’ – политически сомнительная. Сверх всего – религиозная фразеология. 2 x 7.000 = 14.000»⁴⁰. Сборник выходит в издательстве Издание Мириманова, одном из самых критикуемых наряду с Радугой издательских домов⁴¹.

38 Там же. Л. 25.

39 Там же. Л. 26.

40 Там же. Л. 42.

41 В другой архивной записи, касающейся издательского дома Издание Мириманова, говорится, что ситуация за 1926 г. крайне неудовлетворительна. С 1 ноября 1926 до 1 мая 1927 Главлит запрещает 15 книг из 122 и отправляет 44 книг на консультацию в Комиссию по детской книге при ГУС, потому что они носят сомнительный характер. Комиссия подтверждает сомнения Главлит и конфискует 39 книг из списка 44. В итоге, не допускают к публикации 54 книг из 122, то есть 44% всего производства того года.– ГАРФ Ф. 5446, Оп. 55, Д. 1430, Л. 178.

Подобной критической оценки удостоены и *Чудеса* Маршака, *Приключения стола и стула*, *Театр для детей* Е. Васильева и С.Я. Маршака, *Мухина свадьба*⁴², *Мойдодыр*, *Пятьдесят поросят*, *Пираты, людоеды, краснокожие* Корнея Чуковского.

Бюллетень завершается подобными критическими обвинениями не только произведений, но и их авторов, среди которых Корней Чуковский и Самуил Маршак. О первом говорится: «Хороший стих, гибкое строение фразы, четкая рифма, динамичность, исключительная занимательность сказок – это плюсы. Огромным и подавляющим минусом является перегрузка фантастики и мещанства. Умелое использование этого автора, без тени заискивающей погони за спецом, отличающей наши издательства, необходимо»⁴³, в то же время Маршак характеризуется как «один из бездарнейших подражателей К. Чуковского. Готов извращать реальность до бесчувствия. По странной иронии ‘судьбы’ / или кого иного /, состоит заведующим отделом Ленгиза. Это обстоятельство проливает свет на причины такой ‘славной’ продукции Ленгиза... в области третьей категории деткниг»⁴⁴.

Под прицел органов контроля в конце концов попадает и Молодая Гвардия – издательство, основанное в 1922 году в Москве, и опубликовавшее в 1926–1927 годы около тридцати книг, большинство из которых «носит преимущественно экспериментальный, опытный характер»⁴⁵. Кроме того, книг, посвященных пионерам всего 29, из которых 3 действительно достойные, 7 среднего качества, 12 плохого, а 6 очень плохого качества. В целом, как выяснилось, отсутствует явная политическая и методическая позиция, превалирует кричащая книга, а многие тексты не оправдывают ожидания.

Выводы

Вышеизложенный краткий экскурс продемонстрировал, что с момента возникновения советского государства детская литература, наравне со «взрослой», оказывается в центре сложной системы контроля и запретов. Вмешательства нацелены с одной стороны на отбор уже существующей печатной продукции, а с другой стороны на установление четких тематических и стилистических норм и правил для будущих произведений литературы.

42 Изначальное название сказки Чуковского Муха Цокотуха.

43 ГАРФ Ф. 5446, Оп. 55, Д. 535, Л. 159.

44 Там же.

45 Там же. Л.177.

Материал, найденный в ГАРФ, допустил два важных исправления в истории цензуры: во-первых, выяснилось, что Чуковский и Маршак находились под пристальным наблюдением задолго до клеветнических кампаний, начавшихся соответственно у 1929–1930 («чуковщина») и в 1936–1937 (разгром Детгиздата). Во-вторых, оказалось, что настоящим переломным моментом были не постреволюционные годы, а период с 1923 по 1924 год. Именно тогда начинается систематическая борьба против сказки⁴⁶, критика приобретает значительный вес в принятии решений цензуры, формируется целая гвардия критиков под руководством Надежды Крупской, которые пытаются диктовать правила сочинения *новой* детской литературы, зачастую посредством строгого запрещения уже существующей.

Таким образом начинается процесс внедрения идеологии, которая требует от своих послов – представителей творческих профессий (потому что искусство и политика должны совпадать) – *честности*, какое бы значение ни принимало это существительное в определенных социо-политических условиях.

Еще более интересен, как подчеркивает Мариетта Чудакова, тот факт, что эти новые требования должны касаться не только автора, но и его персонажей: «Стало недостаточно: 1) соблюдать запреты; 2) выбирать актуальные темы; 3) давать им нужное освещение (“так нужно”). Логика формировавшегося тоталитарного социума требовала все большей и большей интериоризации своих правил, полноты и искренности подчинения им»⁴⁷.

Так начинается сближение вектора литературной эволюции, выражаясь терминами Тынянова, и общественного вектора, понимаемого как «социальный заказ», а на практике представляющего собой постоянное и осознанное давление на литературу со стороны правительства, никогда ранее не встречающееся в таком масштабе в истории России. Главным принципом и важнейшим элементом для реализации грандиозного проекта безусловно явилась цензура.

46 Херсонская Н.К. О сказках // Красный библиотекарь, 1923: №2–3, С.145–148; ее же. О сказках // Красный библиотекарь, 1924: №4, С.122–124.

47 Чудакова М.О. Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001 С. 404.